

АГОН ВОЙНЫ

Неретина С.С., ИФ РАН, vox-journal@ya.ru

Аннотация: Синонимы войны – агон (отсюда «агония») и полемос («полемика»). Оба термина означают спор-вражду, которой чревата мысль как таковая. В основе любой мысли лежит принцип различия. Агон – пространство борьбы и столкновения сил, в центре которых – человек. Этимологически слово «война» связано со способом добывания и потребления пищи, а в его семантическое поле входили такие значения, как «желать», «стремиться», «получать», «побеждать», «есть» и даже «любить». Война – это и брань в разных смыслах, включая ругань и вой, наряду с благородством vox-голоса, разрывающего единство, делящего мир надвое, на божественно-изначальный и человечески-вторичный, не говоря уже об индо-европейском пучке слов, связывающих «народ», «войско» и «поход». Анализ идеи войны в диалоге Платона «Алкивиад I».

Ключевые слова: война, агон, нация, патриотизм, религия, справедливость, сила, близость, вещь, дело

Последние два десятилетия мы живем в состоянии войны или в ожидании войны, вестей с войны, размышлений о войне. Ибо что такое был 2014 год? 100-летие со дня Первой мировой, поменявшей все предыдущие представления о войне, заставившей обратиться сейчас к основаниям того, что такое война, и начало войны на Украине – гражданской ли, гибридной, в любом случае нравственно тяжелой.

В 1914 г. появилась книга В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», под которым понималось славянское единение против германского милитаризма (германского милитаризма уже нет, а мысль о единстве славян жива). Некоторые известные философы и поэты (Вяч. Иванов, С.Н.Булгаков) выступили за такое единение, против которого, однако, восстали не менее известные Н.А.Бердяев и Г.И.Чулков, чуждые идее любого национализма. И тем не менее у всех было ощущение того, что О.Мандельштам назвал «Мир сначала!». Это был странный мир, в котором, с одной стороны, намечался культурный расцвет, а с другой – наряду с идеей возрождения народа возник такой феномен, как толпа, у которой вместо лица были «серые затылки».

Катаклизм 1914 г. и сейчас можно рассматривать так, как и рассматривали его современники: как «провал всемирной культуры, частью совершившийся, частью еще надвигающийся»¹. Понятие культуры ныне банализировано (термин А.П.Огурцова), им пользуются как неким известным само собой археологическим понятием. «На наших глазах <...> господствующая в современной жизни тенденция выражается именно в превращении человеческого общежития в *усовершенствованного* зверя»².

Голоса, донесшиеся из 1918 г., спустя почти столетие вновь обрели философскую глубину. «Современное государство, с его аморализмом, с его стремлением использовать всю культуру как средство для осуществления животных целей коллективного эгоизма, являет

¹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 190. В этом «провале» возникшие теории культуры, например, А.А.Мейера или М.М.Бахтина, в определенном смысле были гигантским всплеском интеллектуального напряжения, вызванного ожиданием апокалипсиса

² Там же.

собою как бы воплощение начала зверочеловечества»³. Это придает иной смысл старому определению человека как разумного смертного животного: если во времена Цицерона, Сенеки и Августина под живым существом понималось божественное существо, то процитированное определение Е.Н.Трубецкого полностью воплощает и усугубляет просветительскую мечту о естественном человеке как разумном звере.

Трубецкой подчеркивает то новое, что принесла война: это, прежде всего, *мировая война*, явление *всеобщее*, определяющее человеческие отношения, а стало быть, нуждающееся в философском осмыслении, тем более что мировая война между людьми в России превратилась в войну всех против всех. Россия для него – эпицентр мирового катаклизма.

Отличие войны начала века XX-го от начала века XXI-го, если оглядываться на мысли современника Первой мировой, состоит в том, что в то время она, возникшая как *следствие слабой власти*, породила анархию, в результате которой народ повернул оружие против власти собственной страны, а *теперь сильная власть возбудила агрессию* народа, выдвинувшего из своей среды людей, добровольно идущих на войну с соседом (я намеренно опираюсь на официальную версию) не за свои свободы, а за их неучитливость по отношению к себе. И если раньше это было, по словам Трубецкого, «*проявлением крайнего практического безбожия*»⁴, то теперь это сопровождается симулякрот религиозного рвения, благословляемым церковью. В итоге, несмотря на все отличия, диагноз Трубецкого, который считал, что «все общественные связи держались у нас связями религиозными»⁵, оказался верен, ибо и коммунистическая доктрина была религиозной доктриной, заместившей, а затем замещенной христианской – при не сложившемся или очень слабом гражданском обществе. И это не отменяет, а лишь подчеркивает «практическое отрицание самого начала христианского общежития»⁶.

Трубецкой понимал религию как связывание. Но религия имеет и то значение, которое придавал ей Августин: выбора, даже перевыбора⁷. Это значение прочно забыто, и религия в первом понимании стала сильной скрепой для власти.

Все, кто связан, признали врагами не только тех, кого они называли фашистами, нацистами, бандеровцами, но иной раз и тех, кто просто не связан *верой*, ибо только связанные всерьез полагают, что власть крепка и танки наши быстры.

Это внешность власти. Она ежедневно разыгрываемый спектакль, который связанные не смотрят потому, что они как заединчики с властью – его участники. Это сравнимо с экспериментом, когда группа профессионалов, танцую, в какой-то момент подхватывает в свой танцующий круг непрофессионала и его, действительно не знающего, не умеющего, заставляет исполнять *роль* незнающего и неумеющего к вящему удовольствию зрителей. Именно это продлевается сейчас всеми СМИ, TV, подведомственными власти газетами и журналами и пр. Что делает Трубецкой? Констатируя войну всех против всех, он также констатирует, что во внутренней жизни это случается редко, тогда как в отношениях между государствами это – обычное состояние. Он объясняет эту двойственность, со ссылками на Н.Макиавелли, тем, что как христианин человек нравственен, а как гражданин считает дозволенной любую мерзость, если она требуется для защиты интересов его государства, его территории и его народа.

Я считаю, напротив, что в светском государстве человек должен исповедовать именно гражданскую нравственность и, как гражданин, не должен действовать противоправно против другого народа. Да и Макиавелли здесь ни при чем, ибо он полагал, что внутри государства действует не христианин (христианство, как он считал, можно лишь *использовать* для достижения целей), а именно гражданин, и водитель граждан – не государь (вертикаль: царь – подданный), а принцепс, первый среди равных (горизонталь: выполнение каждым своих обязанностей, централизованно согласованных). Как первый среди равных он обязан предполагать разность интересов, среди которых вынужден действовать разными же способами. В такой ситуации золотое правило нравственности именно в силу разности интересов и разных способов действия не «работает» в качестве правила и не может работать.

³ Там же.

⁴ Там же. С.192.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Аврелий Августин. О Граде Божьем: В 4-х т. Т. II. М., 1994. С. 107 – 108.

И это не уступка власти (всюду-де правило работает, а здесь может позволить себе отойти в сторону, подвинуться, как совесть у пьяницы) - не исключено, что в представительском обществе одни и те же этические максимы всегда внутренне присущи небольшой группе близких по духу людей. Когда Трубецкой говорит, что «подчинить всю жизнь войне как высшей цели» возможно лишь при условии полнейшей внутренней анархии, когда выпавший из рук государства меч обратился против него, подхваченный анархическим народом, то о нравственных правилах говорить бессмысленно как в отношении частной жизни, так и общеполитической, поскольку в этот момент меняется всё.

Но вот ситуация XXI в.: нет анархического народа. Народ не хочет революции - войну же ведет. Идет война большинства против тех народов, которые не с нами, но не против нас, и против того меньшинства из своей территориальной среды, которое не ведет и не хочет вести войну с теми, кто не с нами, но не против нас. Ситуация прямо противоположна тому, о чем говорил Маккивелли.

В результате не все расшаталось, но многое скрепилось или сказано, что скрепилось. Следовательно, дело не в конкретных причинах, вызвавших войну, а в принципе, который лежит в ее основании. Поскольку для Трубецкого-философа человек становится зверем, то принцип войны для человекозверя – это *начало борьбы за существование*⁸. Это начало, где нет ни патриотизма, ни этических правил, - всеобщее для мира.

Но и искать причину мировой войны в конфликте эйδικеских Я разных народов, как это делал Бердяев, тоже, на мой взгляд, смысла нет, ибо еще надо доказать присущность личного местоимения Я целому народу. Принимать это на веру, а затем оспаривать принятое на веру, - на мой взгляд, трата интеллектуальной энергии. Также нет смысла говорить о том, что война – *природа* зла, для христианского сознания это неуместно, ибо для такого сознания зло не субстанциально.

Можно согласиться с Трубецким, что перед нами «видимость патриотического подъема», и «самая чрезмерность патриотического воодушевления может иметь характер того подъема температуры, который обуславливается болезнью и предвещает смерть»⁹. Это серьезное наблюдение рождает философское предостережение: «Национализм *безбожный* неизбежно подпадает логике войны и тем готовит собственное свое крушение. Он хочет довести войну до конца; но война, доведенная до конца, и есть полное разложение всяких общественных связей, - война всех против всех. Это – *конец нации*»¹⁰.

К предостережениям философов начала XX в., надо отнестись серьезно, потому что они знали дело. Современное большинство, старающееся примкнуть к православию и, хотя не столь уж боящееся новой революции, все же предпочитающее стабильность, просто обязано прислушаться к выводам участника Юго-Восточного русского церковного собора, кем был Трубецкой, о том, что конец нации – это «естественное превращение и естественный конец чрезмерного шовинизма. Чем сильнее шовинистический подъем, тем могущественнее может оказаться и революционная волна, им вызванная»¹¹.

Речь Трубецкого приглашает вслушаться в нее. Долгие годы в социалистическом отечестве господствовали лозунги «миру мир», «борьба за мир», «не дадим вновь войну разжечь» и пр. Но эти же лозунги были и при царизме. Трубецкой напоминает, что участники Первой мировой войны «вели войну против войны», не всегда отдавая себе отчет, что за войну они ведут и против какой войны. О зрелости сознания, не говоря о самосознании, здесь речи нет. Но ведь и христианская истина увлекает христианина, не всегда сообщая ему, когда она его увлекает. Трубецкой, подозревая эту неосведомленность, напоминает: «Источник войны <...> в нас самих, в каждом народе и в каждом государстве»¹². Из всего сказанного Трубецким и прежде всего – из того места, где он говорит, что оружие поворачивается внутрь, напрашивается вывод: *война – не продолжение политики, она и есть политика.*

⁸ Там же. С. 196.

⁹ Там же. С. 199.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 201.

«Государственная жизнь <...> подчиняется закону войны»¹³, ибо она основана на внутреннем противоречии.

Недавние события дают тому основания. Меня однажды спросили, почему я согласилась принять участие в девятнадцатом номере журнала «Синий диван», посвященного украинскому прецеденту начала 2015 г., вызвавшему бегство президента из Киева и развернувшегося на Майдане, некогда базарной площади. Я ответила, что у меня как философа не было выбора: редко возникает ситуация, когда сама жизнь ставит тебя в ситуацию риска. В метафизическую ситуацию. Когда нет ничего. Случилось по слову Аристотеля: «Во многих отношениях человеческая природа зависима, но эта наука, которой ищут не для какого-нибудь употребления, есть единственная наука, свободная сама по себе, и потому кажется, будто она не есть человеческое достояние» (Метафизика А2 982 б)¹⁴. Именно здесь забываются устоявшиеся вроде бы понятия, старая речь и возникает нечто похожее на лепет, рождаемый обнаружившимся *простором* и для мысли, и для действия.

Путь, который предстояло пройти, очевидно же был тяжелым. Но все же предполагалось, что это - путь в бытие и истину, даже если до этого не дойдет дела, поскольку может не хватить сил. Одно уже свершилось: Украина сложилась как нация, это не конец, а рождение нации, возникшей во время военного противостояния.

Однажды, вслушиваясь в кинорассказ о том, как брали Крым, мне, долго занимавшейся проблемой дискурса, т.е. речи, застигнутой в момент изменения значений, почему-то в голову вонзился Августин с его знаменитым *si fallor sum* из трактата «О Граде Божьем», что обычно переводится, как «если я ошибаюсь, значит я есть». Этот перевод льстит читателю. Возможен и более жесткий перевод: «если лгу, есть». У Августина в этом случае «есть» означает осколочность человеческого бытия, его производность от Божественного. Однако латинский язык - флективный, и это предложение легко сделать обращенным, то есть понять его, как «если я есть, я лгу». При этом проходящее время может сыграть злую шутку: позволить не признать *сотворенность* человеческого бытия, а то и отменить ее волевым решением. И тогда саму истину бытия представить как ложь.

История знает подобного рода перевертыши. Когда-то это произошло с Майстером И. Экхартом¹⁵. Ныне *заранее продуманная в верхах* операция по возвращению Крыма в Россию была преподнесена как *желание самого «низового» народа*, легитимированное референдумом после того, как само решение было принято.

Можно спросить: почему в России, которая сейчас представляет собой принципат (асбсолютизированную власть при использовании демократических институтов) не возникло такого накала страстей, когда были войны в Чечне или, скажем, в Грузии? Мы оказались сильно задеты Украиной, сработала сила необычайной близости, с которой нелегко справиться. И хотя сама проблема (близости/дальности) возникла давно, но когда мы с нею столкнулись впрямую, мы ее не опознали. С близостью нелегко справиться, нелегко понять, чего мы в ней не знаем, и это ощущение невнятности было одним из мотивов появления той метафизической ситуации, для одних остановившей речь и породившей пустоту, где, как говорил Гегель, «имеется только простая непосредственность»¹⁶, а для других обострившей старые традиционные представления, заставляющие «жить по понятиям». Именно на перекрестке старого и нового начинает действовать ложь. Она возникает даже не просто по чьему-то велению - она возникает вследствие непонимания предметным, опосредованным знанием знания непосредственного, «имеющего лишь решение, которое можно рассматривать и как

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: Гегель. Наука логики. Т.1. М., 1970. С.84 – 85.

¹⁵ История знает такого рода перевертыши. Фразу И.Экхарта «Deus est esse», «Бог это бытие», его недруг преподносил еретически: «Бытие – это Бог», утверждая, что, поскольку в «бытие» могут входить тварные вещи, значит Экхарт предполагал это тварное в нетварном Боге. Пришлось в эту ситуацию вмешаться Николаю Кузанскому (в «Апологии ученого незнания»).

¹⁶ Гегель. Наука логики. Т.1. М., 1970. С. 126.

произвол»¹⁷. В этом перекрестье происходит радикализация мышления или, лучше, его кризис, бескомпромиссность.

Ситуацию на Украине можно сравнить с ситуацией, возникшей в Римской империи в момент распада. На Западе не возникло никакого *культы* государства. Да и язычество не способствовало обожествлению власти. На Западе всегда сохранялась выборность предводителя, не было и речи ни о какой сверхчеловеческой мощи цезаря. На Востоке поддерживалась сильная государственность, усиленная религиозной (христианской) поддержкой. Если приложить это к Украине, то легко констатировать со стороны ее восточных частей неистовое порицание событий на Майдане против незаконной смены власти (это против власти Януковича-то? положили столько жизней?) и не менее неистовые определения нынешнего состояния дел в противоположной ее части как фашизма, национализма, бандеровщины, впрочем, без четкого определения понятий.

В 1936 г. Н.И.Бухарин произнес в Париже свою речь «Основные проблемы современной культуры», где он писал, что «фашизм как теоретически, так и практически довел до крайности антииндивидуалистические тенденции, над всеми институтами он воздвиг всемогущее “тотальное государство”, которое деперсонализирует все, за исключением вождей и сверхвождей... Обезличение массы здесь прямо пропорционально прославлению вождя»¹⁸.

После этого определения фашизма через тоталитаризм, деперсонализацию и вождизм, фашизм как идеология практически не изучался. В 1970-е годы он считался абсолютным злом, несравнимым даже с социалистическо-гулаговской идеологией. Но к нашему времени и это абсолютное зло банализировалось, под фашизмом и нацизмом мы стали понимать все противоречащее национальным интересам России.

Война на Украине именно своей нелепостью (война с ближним) заставила поставить вопрос о войне вплотную – и публицистически, и теоретически. Первые термины, возникающие в связи с этим, – агон (отсюда «агония») и полемос («полемика»). Оба термина означают спор-вражду, которой чревата вообще говоря мысль как таковая. В основе любой мысли, если она мысль, лежит принцип различия. Агон – пространство борьбы и столкновения сил, в центре которых – человек. Этимологически слово «война» связано со способом добывания и потребления пищи, а в его семантическое поле входили такие значения, как «желать», «стремиться», «получать», «побеждать», «есть» и даже «любить». Война – это и брань в разных смыслах, включая как ругань и вой, наряду с благородством *vox*-голоса, разрывающего единство, делящего мир надвое, на божественно-изначальный и человечески-вторичный, не говоря уже об индо-европейском пучке слов, связывающих «народ», «войско» и «поход». Войной пропитываются составы человека и мира, ибо это слово связано и со святым делом, и священным, жертвенным животным.

Агон не всегда выражается в словесном споре. Последний часто переходит «на кулачки», ибо рука – продолжение головы, она вступает в дело, когда не хватает слов, т.е. именно тогда, когда возникает необходимость в логически-парадигмальной смене. В споре, как правило, осуществляется желание перевести угасшую логику мысли в еще неопознанную иную логику, приведшую в движение руку. О том, что движения руки способствуют разумной жизни и передают вовне энергию мысли, знали с древних времен. Потому то, что продолжение словесных баталий переходит на рукоприкладство, – не новость. Агон и полемика – это такие высказывания и обозначения позиций, которые не обязаны находить компромисс. Их задача – разложить, расположить вещи.

Отсюда ясно, что агон происходит на грани жизни и смерти, в пороговой ситуации, происходящей тогда, когда всё прежнее устарело, устарела вся жизнь, и она либо должна прекратиться, либо найти способ обновления, который, пока не найден, неведом, он случаен, обнаруживается методом «тыка». Отсутствие точного слова порождает массу неточных, борющихся в желании такое слово отыскать. Именно здесь точка риска, ибо вещь, которая смутно видится, узнать и высказать которую стремятся, может оказаться обманом. Пушкин

¹⁷ Там же. С. 126. Именно об этом мою статью «Воля к праву и право на волю» (Синий диван. Философско-теоретический журнал. 2014. № 19).

¹⁸ Первый перевод на русский язык с французского С.С.Неретиной см.: Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 4.

счел это «бесами», сказав: «Сил нам нет кружиться доле, / Колокольчик вдруг умолк, / Кони стали... “Что там в поле?” - / “Кто их знает? *Пень* иль *волк*»». Здесь-то и требуется мужество устоять, иначе легко соскользнуть в «неочищенное, стало быть, несвободное мышление»¹⁹.

Сократ в раннем диалоге «Алкивиад»²⁰ ведет беседу с Алкивиадом, прекрасным, высокомерным, ни в ком не нуждающимся, но желающим «заполонить своим именем и могуществом все народы», имея в заглавнике только благородное имя, кое-какие знания и непомерное честолюбие. Мир вполне мог оказаться в руках амбициозного юноши, но крайнего невежды, «бросающегося очертя голову в политику», если бы не вмешался Сократ. Сократ испугался за Афины, за – сравнительно с современными государствами – малый полис. А потому он хочет если не укротить Алкивиада, то хотя бы просветить. Он спрашивает Алкивиада, насколько правомерно его желание давать афинянам хоть какие-то советы, если сам он мало что знает. Сократ обеспокоен желаниями Алкивиада потому, что тот хочет решать не обыденные, а последние вопросы: «войны или мира или другие подобные дела государства».

То, что война – едва ли не главное, из-за чего Сократ ведет диалог с Алкивиадом, видно из настойчивости Сократа, буквально преследующего Алкивиада (во всяком случае, так его понял Алкивиад желающего расположить Алкивиада к беседе. Он ссылается на то, что разговор этот ведется с согласия бога, который сперва ограждал его от такой затеи, потому что Алкивиад был юн и не обременен надеждами заполучить власть в городе, а теперь им овладел азарт власть взять. И Сократ решил не упустить случая. Делает он это, словно боясь опоздать. Алкивиад это замечает, называя поведение Сократа странным и все-таки интересуясь, почему он безо всякой беседы не может получить то, чем рассчитывал овладеть.

С самого начала Сократ обращается к Алкивиаду не просто как к сыну почтенного человека, а как к «сыну Клиния» - участника войны, погибшего в битве при Коронее в 447 г. во время Малой Пелопоннесской войны, человека рассудительного: во время войны он вместе с другими ее участниками пытались разрешить вопросы о справедливом и несправедливом. Спор это был столь острым, что стал для его участников причиной смертей и сражений.

Сократ не различает войны реальной, которая ведется на полях сражений, и войны-агона, который может быть столь же смертельным, как и битвы на полях сражений. Судя по тому, что он об этом не размышляет, ни он, ни Алкивиад, ни участники спора этой разницы тоже не видели: спор-агон, словесная схватка столь же ответственна за решение дела, что и сражение на мечах. Безответственно другое: если воинскому искусству обучаются, то искусства *школы* спора-агона просто нет. *Знание школы*, умения, техники не только самого ведения спора, но и последовательности вопросов могло бы предотвратить смертельный исход схватки. Сократ беседой с *Алкивиадом* желает ликвидировать этот зазор. Он хочет заместить традицию родового следования обычаям, поскольку передатчики их – невежды (они с Алкивиадом выяснили это в начале беседы, потому Алкивиад и был уверен, что он возьмет верх в народном собрании), традицией настроив на себя, заботы о себе, проявления в себе того, что скрыто под завалами невежества.

Школа – это умение ставить вопросы и отвечать на них. Алкивиад, обученный грамоте, игре на кифаре и борьбе (на флейте учиться не захотел), судя по всему, получил не столько знания, сколько некоторые сведения и компетенции, поскольку не обладает умением и техникой ставить вопросы и отвечать на них: Сократ часто выполняет и ту, и другую функции, обнаруживая не только невежество Алкивиада, но и *показывая*, что знать, уметь разбирать вопрос и понимать – то же самое, одно немислимо без другого, и выстраивает логику размышления. Хаос в голове он преобразует в чистое разумение.

Сократ последовательно, дотошно, неспешно задает Алкивиаду вопросы, относящиеся к проблеме соотношения войны и мира: с кем следует сражаться во время войны, какие взаимные обвинения выдвигают стороны при объявлении войны, каким образом люди бывают обмануты, ограблены или терпят насилие.

Ситуация весьма схожа с нынешней. Если вдуматься в то, что собой представляет современная война, то чаще всего обнаружится, что каждая из сторон найдет в ней для себя

¹⁹ Гегель. Наука логики. С.89.

²⁰ См.: Платон. Алкивиад I / Пер. С.Я.Шейнман-Топштейн // Ранние диалоги Платона и сочинения Платоновской школы. Философское наследие. Т.98. <http://svitk.ru/news.php>.

нечто справедливым, не слушая ответов противника. Вот и Алкивиад, когда начинает отвечать на вопрос Сократа, можно ли посоветовать афинянам сражаться против любых обидчиков или только против тех, кто действует справедливо, понимает, что это коварный вопрос. Ведь можно воевать против обидчиков не только потому, что отстаиваешь нечто справедливое, но даже если это нечто несправедливо: существует обычай, нарушать который неблагородно, мстить за обиду. Принцип «нельзя обижать “своих”» запрещает обсуждать правоту этих «своих», начавших войну. Такую войну вести справедливо, хотя у нее могут быть недостойные цели. Да и нелегко выявить справедливость и несправедливость в политике. Если, например, держаться за букву закона о выборах и при этом *не обсуждать* содержание закона, то борьба справедлива, с одной стороны. Если за ту же букву закона, предполагающего, что избранник должен выполнять определенные наказания электората, война тоже не будет несправедливой, но уже для другой стороны. Возникает апория, которую трудно решить компромиссом, если у сторон разные цели.

Алкивиад говорит, что он прежде знал, что такое справедливость и несправедливость, что он твердо знал, кто мошенник, негодяй или нечестивец, но не помнит времени, когда перестал это знать. Его научили знатоки, как научили его и правильной речи. Эти знатоки, напоминает Сократ, могут выступать «и как частные лица и от имени государства: ведь не станут же государства спорить между собой, называя этими именами одни – одно, а другие – другое».

Алкивиад соглашается. Мы же, в нетерпении, не дочитывая следующих вопросов Сократа, сразу и бесповоротно – феноменологически - не соглашаемся, ибо опыт говорит нам другое. Выше мы упоминали, что одни называют фашизмом одно, другие другое. И вряд ли мы назовем хорошими учителями тех, кто лжет, или кто истину называет ложью. Непригодными оказываются не только несогласные между собой учителя по вопросу о частных вещах, например, что такое люди или лошади и насколько они быстры в беге.

На поверку оказывается, что и утверждение Сократа о том, что государства якобы не могут утверждать разное относительно одного и того и согласие с этим Алкивиада – не что иное, как логическая западня, устроенная Сократом. Мы поспешили не согласиться с ним, потому что напряжение диалога таково, что заставляет в него втягиваться человека из другого места и времени. Этот человек оказывается его соучастником. Но вот и Сократ заявляет, что реально и в этом вопросе учителя разногласят между собой. Да и поэмы Гомера, «и все битвы и смерти воспоследовали из-за этого расхождения среди ахейцев и троянцев», и «именно этот спор [о справедливом и несправедливом] был причиной смертей и сражений». В этом вопросе нет учителей, и самому нельзя прийти ни к какому открытию относительно этих вещей. Здесь Родос, здесь прыгай. Здесь метафизическая ситуация, когда ты сам (некого спросить) начинаешь разбираться.

Алкивиад ищет хоть какой-то подход к решению проблемы. Он допускает, что люди заботятся не столько о справедливости, сколько о пользе. Но выясняется, что и о пользе он может сказать ровно столько же, сколько о справедливости, т.е. ничего. Тогда Сократ, заводила разборки, решает провести эксперимент. Он предлагает Алкивиаду обращаться к нему как к народному собранию, считая, что в таком случае найдется арсенал разных убеждающих средств. Но сколько бы средств ни использовать, смысл эксперимента сводится к тому, чтобы показать: справедливость – *в себе самом*, а коль скоро речь идет о войне и мире, то и война и мир *в себе самом*. Жизнь и мужество на одной стороне агона, смерть и трусость на другой. А это и есть война, которая ведется с самим собой. Война на поле сражения – экстерниоризация самого себя, две роли самого себя. Между ними нет примирения.

Речь не только о том, что Сократ показывает путь, как нечто реальное превращается в игру (смотрели же мы с моста на расстрел Белого дома!). Гораздо существеннее, что война двойственна в себе самой: как востребование мужества она прекрасна, как несущая смерть – безобразна. Справедливое - прекрасно, а прекрасное – благо, благое же - то, что приносит пользу, следовательно, справедливое - одновременно полезное, в том числе и для всматривания в самого себя..

Вопросы-ответы Сократа (при том, что он считает, что вопросы ставит он, а ответы принадлежат Алкивиаду) заводят Алкивиада в тупик: если раньше он не понимал каких-то вещей, потому что не задумывался над ними, то теперь перестал понимать потому, что

задумался, провел анализ, т.е. использовал метод разборки. Глядя на эти странные рядоположенные вещи *сами по себе* (полезное, благое, прекрасное, трусливое, справедливое), делающие одно и то же «ничто» раздираемым внутренними противоположностями, он растерялся. «Я оказался в нелепейшем положении», говорит он, «когда ты спрашиваешь, мне кажется верным то одно, то другое». Он не уверен даже в том, что у него две руки, а не четыре. А Сократ напирает – про руки он все же знает точно, что их две, а про «хорошее и дурное» нет. В принципе можно только знать или не знать: точно знать, что рук две, и точно так же не знать, как взобраться на небо. В незнании можно быть столь же уверенным, что и в знании. Из слов Сократа вытекает, что колеблются невежды, воображающие себя знатоками. Так что же: может быть, прав Алкивиад, желавший схватить мир, не зная его, даже вопроса не задавая об этом мире, будучи уверенным лишь в своей интуиции, в собственных природных задатках и не передоверяя знатокам?

Не прав, и не только потому, что признает причину неведения в себе самом или делает вывод, что государственными делами «у них» занимаются по большей части люди невежественные. Это все частичные дела.

Рецепт же государственного поведения таков: выступать против соперников нужно «во всеоружии знаний и навыков – как выступают против атлетов».

Мы вернулись к началу нашего разговора – о том, что в основе войны лежат агон и полемос. Полемос персонифицирует войну, замещая имя Зевса (персонификации разума, изрекающего вещи). В агоне если не говорится, то проговаривается дело. Вот почему важны нынешние бесконечно и отвратительно ведущиеся ток-шоу: там нет-нет да проговорятся о вещи, о которой дело. Старое латинское *res* означало полноту речи, содержащейся в самом деле, эта вещь-дело-речь была сакральным полным знанием, реальностью, персонифицированной в знатоке-повелителе, который зовется *rex*, а область его владений – *regnum*; разрушитель полноты был ответчиком-*reus*, разумом (*ratio*, одного корня с *res*) пытающимся пробиться к этой полноте, т.е. реальности. Сократ и хотел видеть в Алкивиаде такого повелителя речи-вещи-дела, который превосходил бы знанием не только своих государственных мужей, но и «истинных противников». Имея в виду свой конкретный полис и будто бы ведя речь о частном деле, Сократ ведет речь о владении собой так, как если бы речь шла о владении миром он ведь – народное собрание), вводя феноменальность в ноуменальность.

Но потому говорить нужно о самой вещи, о деле, о чем говорят на агоре, на форуме, на рынке-базаре, на *майдане*. Это и значит, что Киев на своем Майдане *говорил* дело, а поскольку говорили многие и очень многие, то это значит, что настал момент, когда политика снова, как в достопамятные времена стала или становится персональным делом человека. Не бессилие политики порождает войну, как считает Х.Хофмайстер в философско-политическом трактате «Воля к войне, или бессилие политики», а сама политика, вовлекающая в себя разнородные и чужеродные интересы партий, классов, сословий, каждого отдельного человека, есть средоточие войны. О том свидетельствует и возникшая война, и все войны, которые когда потрясали мир. Как сообщил А.В.Лебедев в книге «Логос Гераклита», Гераклит написал книгу «О государственном устройстве» в эпоху Ионийского восстания или после его кровавого подавления, желая «обосновать “естественность” войны, опровергнуть доводы пацифистов... (ссылавшихся на гомеровское проклятие “вражде” и искавших компромисса с завоевателями) и убедить ионийцев объединиться в федеральное государство для борьбы с Ахеминидской империей»²¹. Знание о вещах назревших, вспыхнувших и обнаживших за собой зияние ничто выступило именно из безумолчной речи, показав недейственность обычая, искаженно передаваемого из поколения в поколение. Война эта потому и оказывается кровавой, но пустопорожней, что никто не знает, где справедливость или несправедливость, где собственно *дело*, как не знал этого Алкивиад. Но он знал о том, что речь - о деле. «К какой добродетели мы стремимся? – спрашивает Сократ. – К добродетели достойных людей. – Достойных в чем? – В умении вершить дела», - отвечает Алкивиад.

В деле знания нет опекунов. Только та высшая *res*, что и предчувствовали и Сократ и Алкивиад, может быть мерилем правильности знания и поступков, соответствующих этому

²¹ Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014. С.78.

знанию. При этом сам процесс обдумывания должен быть совместным. Агон – возбудитель спора, он, повторим, может не желать (рождать) компромисса. Диалог, совместное думание, тоже не ведет к компромиссу, но именно он ведет (имеет в виду) к той самой полноте знания, о которой говорил Сократ, даже если этого знания не достичь. Полнота здесь выступает как регулятивный принцип. Следовать ему невероятно трудно. Это действительно школа мысли. Сапожник добродетелен, когда тачает сапоги, и недобродетелен в деле изготовления плащей. «Один и тот же человек оказывается и добродетельным и порочным». Разберись тут!

Размышляя об этом, мы все время должны иметь в виду, что речь идет о войне, она – наша боль, и боль Сократа и Алкивиада. В ответ на вопрос, кого же считать не дву-о-смысленным (вместе добродельным и порочным), а просто и только добродетельным, Алкивиад отвечает: «Тех, кто способен повелевать в полисе», способные же повелевать – «люди, общающиеся друг с другом и вступающие между собою в деловые отношения, как это происходит в нашей государственной жизни», «принимающие участие в государственных делах» и использующие других людей в своих интересах. Вот определения, данные обученным Сократом Алкивиадом, который науку о власти называет «наукой о здравомыслии», обеспечивающей безопасность полиса (в нашем словаре – государства). Дело – власть – соучастие в деле – вот триада правильного поведения, подчеркнем: требующая научного подхода.

Но может быть стоит перейти к тому, что В.С.Библер в свое время назвал гуманитарностью, не агонем как взаимной распрей, а диалогом как *взаимопониманием*. Но это во времени Библера, к сожалению, и осталось.

Сократ пользуется в этом диалоге тем, что Библер назвал трансдукцией, переводом мыслей одна в другую. В какой-то момент он, чувствуя затруднение слушателя, сам начинает отвечать на свои же вопросы - при условии, что Алкивиад соглашается с его ответами. Этот метод надо запомнить: отвечать самому при согласии слушателя. Этот метод используют нынешние СМИ, манипулирующие сознанием людей. Там – сознанием одного Алкивиада. Здесь – массы. Можно, конечно, возразить: Сократ-народное собрание не манипулирует, а ведет прямой разговор, у нас же происходит симуляция прямого разговора, но и там и тут заметен щелчок трансдукции: щелк – и переключили на нужного говорящего, щелк - и отняли микрофон у оппонента: невнимательному зрителю-слушателю это не заметно. Но и внимательный слушатель, если не выдерживает напряжения спора (вопросы серьезные, и вопросов много, срабатывает естественная усталость, сопротивление ослабляется) *вынужден* следовать за вопросами спрашивающего.

... Алкивиад полагает, что полис управляется правильно при внутреннем дружелюбии (единодушии) и отсутствии ненависти и мятежей. Он говорит то же, что и мы часто слышим, и потому современное большинство могло бы посоветовать на то, что слыхом не слыхивало о диалоге «Алкивиад» - в нем то же, что и его волнует.

А Сократ въедлив. Он спрашивает, как обеспечивается единодушие, постоянно *понуждая* Алкивиада *выходить от непонятого к понятию, рождать его у нас на глазах*. Алкивиад проходит целую школу того, как и из чего происходит понятие, т.е. *философскую* школу. Но спрашивая о единодушии, он не получает вразумительного ответа. (Война же, напомним, начинается именно там, где нет ответа). Алкивиад обескуражен. Его, как школяра, охватывает оцепенение и недоумение, да и Сократ, хотя и ободряет его, начинает вдруг говорить не на языке разума, а на языке чувства, объяснив это тем, что Алкивиад «в том возрасте, когда необходимо чувствовать такие вещи», и лишь почувствовав, увидев и даже предвидев, учиться отвечать, т.е. дедуцировать разум из чистого созерцания вещей. И все же перед нами школа не только философская. Но и пиаровская: Сократ предугадывает (предчувствует) ответы Алкивиада еще и потому, что умело направляет его мысль в сторону собственных мыслей, обеспечивая правильный, на его взгляд, ответ на вопрос.

Постоянно разыгрываемый вопрос в диалоге - что такое справедливость, единомыслие? Но ведь это не Алкивиад ставит вопросы – он их и раньше не ставил, он просто хотел власти и соответственно войны, обеспечивавшей ему власть над миром. Это Сократ заставляет его буквально из-под спуда вытаскивать - через речь - существующее в самом Алкивиаде, попавшее в него знание, чтобы он познал самого себя («ведь не первый же встречный начертал это на Пифийском храме?»), даже не просто самого себя. *А самоё «само»*. Что это такое,

вообще никто не знает. Однако когда мы думаем, то, доходя до предела мысли, мы видим там не себя. Мы видим «то самое», «само», постигая странную атопичность мысли и ее не менее странную несубъектность. В этой глубине меня – не я, а нечто, та вещь, что являет меня мне самому. Кто это понимает, легко поведет за собой всех. Сократ, провозгласивший это «само», ведет, и, если честно, я лично не знаю, лучше мне от этого или нет. Да и Алкивиад в затруднении, хотя Сократ утверждает- впечатывает: «Ведущий беседу – Сократ... Слушает Сократа - Алкивиад». Но так ли это? Возникает сомнение, хотя дальше следует то, чему нас учат на лекциях по философии: мы, наконец, дошли до определения человека. И начинается опять же с анализа: человек, который чем-то пользуется, отличен от того, чем он пользуется. Предварительное определение таково: «Человек – это то, что пользуется своим телом». Далее он человека отождествляет с душой, которая пользуется и управляет телом, а потому речь - это беседа души с душой, которая вслушивается в само, в то, что подобно божественному, т.е. богу и разуму. Это прочесть легко, как и то, что, только зная себя, можно узнать и свойства полиса. Из этого с необходимостью следует (Сократ вбивает. Вдалбливает это в голову Алкивиада и всех нас), что главное для полиса – «не свобода властвовать, а рассудительность и справедливость».

А нам вместе с Алкивиадом это ясно, даже если бы мы этого диалога не читали. Но – после того, как уже устали, как задремал разум - вдруг возникает в рассуждении нечто тревожное: если возникшее «само» делает человека своим рупором, проходит сквозь него, то самого человека вообще нельзя определить ни через тело, ни через душу, ни через целое, а через что?

К своему и к нашему изумлению Сократ отвечает: ничто («остается, думаю я... считать его ничем»).

Как сказал Пушкин: «И здесь героя моего в минуту, злую для него, читатель, мы теперь оставим, надолго... навсегда».

И, скорее всего, это основная догадка (не определение же!), потому что обескураженный своим открытием Сократ сомневается и в определении человека через душу: «доказательство, - говорит он, - было не вполне безупречным»: он не может опомниться от своего «ничто» и спешит вернуться к привычному строю рассуждений.

Что мы знаем о ничто в античности? Что оно – в инобытии. Сократ же вошел не в бытие, хотя бы и иное. Он вошел в полное ничто.

Он понял, что здесь требуются такие выражения, которые не требуют ни единого слова. Не он сказал, а Гегель: «Единственное, что по существу дела требовалось бы, - это отрицательные рефлексии, которые старались бы не допустить и удалить то, что обычно сюда могло бы привести представление или неупорядоченное мышление»²². Гегель сказал, а Сократ не сказал ничего. Он начинал философию, и ему не нужно было объясняться о том, о чем следовало молчать. Он смотрел и видел саму вещь-дело. Гегель это прекрасно понимал: «Свойственные нынешнему сознанию беспокойство и разбросанность не позволяют нам не принимать во внимание более или менее доступные всем рефлексии... Пластический способ изложения требует к тому же пластической способности восприятия и понимания»²³; но таких пластических юношей и мужей, каких придумывает Платон, таких слушателей, столь спокойно следящих лишь за существом дела, сами отрекаясь от *собственных* рефлексий и взбредших на ум соображений... при помощи которых доморощенному мышлению не терпится показать себя, нельзя было бы выставить в современном диалоге; еще в меньшей степени можно было бы рассчитывать на таких читателей»²⁴.

Потому Сократ спокойно оттуда, где требуется молчание, вернулся к душе. Не став размышлять о ничто, он показал то перекрестье, о котором мы говорили выше. Ничто, столкнулось с обычаем, взывающим к обновлению. Что и провоцирует войну. Он точно показал, как это делается.

²² Гегель. Наука логики. Т.1. С.91.

²³ О пластичности как особенности греческого духа в искусстве см.: Гегель. Эстетика. Т. 3. М., 1970. С. 113 – 114.

²⁴ Гегель. Наука логики. Т.1. С.92.

Он прекрасно понял нестрогость определения человека через душу, считая, что оно достаточно только в меру выяснения вопроса о том, что для полиса важна справедливость. Но, конечно, этот ошеломительный вывод о ничтожности человека, об отсутствии понятия человека ведет к не менее ошеломительному выводу: что и война, которая может следствием **безрассудности, несправедливости**, тоже свидетельствует об отсутствии понятия о ней, хотя, как и человек, она присуща жизни. Понятие может быть о том, что может быть выражено утвердительно, катафатически. Но сколько же ничтожности «само» вдохнуло в нас!

Из этого и с той же необходимостью следует, правда, и то, как возможно использовать непонятность: если с человеком можно не считаться, потому что его нет, и происходит война, понятия о которой нет, значит, в государстве действует ложь и несправедливость, в нем может случиться тирания. А поскольку в нашей современной реальности война не условна, а налична, то - мы вернулись к одному из вышеупомянутых тезисов, что правит ложь, которой люди рабски подчиняются.

Диалог «Алкивиад» завершается не на высокой ноте. Даже если Алкивиад послушает Сократа и будет печься не о власти, а о справедливости, все же он – один такой, убедить же надо всех, т. е. весь полис с множеством людей, воля и желаний, с разногласием. «Вижу силу нашего города – как бы он не одолел и тебя, и меня».

И Сократ, и Алкивиад четко связывают решение вопроса о войне и мире с властью. Гераклит, по допущению Лебедева, связывает это еще и с Логосом, а Логос с долговым договором. С Логосом связывает и Сократ. Агон, полемос, власть, долговой договор – вот связка войны, и с помощью школьного урока распутать проблемы нельзя. Как остроумно заметил Лебедев, «и не вернувшие долг, и проигравшие битву становились рабами. Можно сказать, что идею классовый борьбы как закона истории изобрел Гераклит, а не Карл Маркс»²⁵. Агон - это точка напряжения, как раз обозначающая предел, где наука заканчивается, и никакие уговоры отныне не действуют. Здесь должно сработать чутье политика. Не ведение здесь борется с неведением, а ведение утраты старых понятий с желанием воссоздания этих понятий, с нежеланием риска делания.

Агон предполагает состязательное действие, связанное с всеобщим движением и изменением, с внутренней тревогой. Агон у Гераклита, напоминает Лебедев, представляет противоборствующие силы. В их соревновании «запрограммирована регулярность изменения». На греческих стадионах бегали не по кругу, а по прямой, разворачиваясь на 180° у финишной плиты»²⁶. Но путь в одну сторону и путь обратно – разные пути²⁷. «Именно беговая дорожка была в поэтической “космологии” Гераклита универсальной моделью всеобщего изменения... понимаемого как циклический и неотвратимый процесс взаимоперехода противоположностей». Точки поворота назывались метами. Но метами назывались и поворотные точки года (тропы), т.е. весеннее и осеннее равноденствие, что можно математически рассчитать²⁸.

Во всем этом, однако, существенно другое: желание уничтожить на войне множество жизней оказалось проще желания собственными (разумными) силами понять ничто как неиное, как незнающее знание, придающее смысл всякому существованию.

Эту божественную способность, обладающую мощью удержать такое напряжение, можно назвать *силой* как основным законом самой жизни. В противоборстве сил проявляется двойственность человека. Хофмайтер эту силу рассматривает через старую метафору господина – раба. И господин, и раб избегают друг друга различными способами. Раб предпочитает жизнь свободе из страха перед смертью, как абсолютным господином, которому подвластна всякая конечная жизнь²⁹. Но есть другое понимание силы. Аврелий Августин в

²⁵ Там же. С.76.

²⁶ Там же. С.72.

²⁷ См. «Приметы» А.С.Пушкина: «Я ехал к вам: живые сны / За мной вились толпой игривой, / И месяц с правой стороны / Сопровождал мой бег ретивый./ Я ехал прочь: иные сны.../ Душе влюбленной грустно было, / И месяц с левой стороны / Сопровождал меня уныло».

²⁸ Лебедев А.В. Логос Гераклита. С.73.

²⁹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб., 2006. С. 68.

трактате «О диалектике» понимает силу, прежде всего, как силу звучания, речения, слов, букв, даже звуков – vox, вой (см. выше). Прежде всего, это касается латинской буквы «v», которая сама имеет вид лука без тетивы и с которой начинаются слова vis-сила, vita-жизнь, vir-муж, via-путь, который надо проторить силой ног, vinus-вино, vulnus-рана, vincula-оковы, veto-запрет и многие другие, связанные упругостью и крепостью.

Даже из перечисленного можно увидеть близость военно-боевого и духоукрепляющего кодов. Лебедев говорил о близости военного и долгового кодов, которые в свою очередь параллельны агональному, политическому и игровому. Везде речь идет о соревновании двух сторон с выигрышем и проигрышем. В современном устройстве войны все это есть, в качестве базиса вражды называются взаимовыручка, кредиты, долговая зависимость и пр. Мир словно бы не меняется в своей сути, несмотря на внешние изменения, например, на формы войны (гибридная, атомная, перманентная и пр.). Даже названия форм государственного правления остаются прежними, и это не вселяет надежды: устарелость идет в ногу, может, и с кое-какими усовершенствованиями, но не с новациями, вырастающими из ничто. Поэтому тема войны остается актуальной. Человек воинственно настроен на жизнь, смысл которой, вновь вспомним Трубецкого, не только в том, что отрицается Логосом, но и - все-таки - в том, что утверждается.

Библиография

Аврелий Августин. О диалектике - <http://www.augustinus.it/latino/dialettica/dialettica.htm>

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1996

Хофмайстер Х. Воля к войне, или бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб., 2006

Гегель. Наука логики. М., 1970

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова. СПб., 2014